

Лодка до Каюма

Рассказ

В то лето много было всего, и ягоды, и грибов. Так много, что люди по жадности своей брали с избытком, через край.

Лосось, идущий на нерест, плотно забил речки. Рыба, не отметав икру, гибла и гнила на отмелях.

Стояли ясные, прозрачные дни. Не донимала жара. Казалось, что на самой маковке небесного купола после полудня кто-то отворял форточку. И среди летнего тепла в воздухе мнился металлический блеск, и сквозило льдом операционной.

В первых числах июля Буслаев вышел из подъезда своего дома, прищурился и присвистнул: Коряк до половины оделся в снеговую шапку. Снег на склонах был девственно чистый и слепил глаза, – ветер относил шлейф вулканического пепла к северу.

«При таком солнце снег, конечно, растает», – подумал Буслаев. И ёщё он подумал, что придётся оставить беременную жену и лететь на Восточное побережье. Жена ребёнка ждёт, но сроки ранние. Никто его не принуждал. В душе что-то накопилось и требовало выхода.

Он успеет и к Александру заглянуть в Карагу. Потом нужно будет переправиться на моторке через Карагинский залив, пройти Каюм и Макарьевск. А дальше, минута Ивашку, шагать ему по берегу моря вдоль длинного рукава реки Хайлюля, которую он перейдёт вброд в большой отлив. Это если повезёт. По отливу иди да иди до самой Уки, где живёт младший брат.

На фотоснимках в интернете Буслаев видел глазами низколетящего спутника весь свой маршрут. Видел длинные песчаные косы и отмели, речные протоки и быстрые реки, несущие воду с гор. Он отмечал, где нужно пройти быстро, а где и просто посидеть, оглядывая простор северной тундры до самых предгорий хребта.

Он хотел связать братьев этой дорогой и своей срединностью, стянуть всех троих дневными переходами, усталостью и одинокими ночёвками у костра на берегу.

Наверное, здесь была чистая метафизика. И его блажь, как выражалась жена. Она не хотела, чтобы он уезжал. «Это риск, – говорила она, – а потом – наш ребёнок...» – «Да, – соглашался Буслаев, – но прошло семь лет. И ты забыла; там могила отца».

Макарьевска на тех снимках не было. За пятьдесят минувших лет от посёлка остались лишь руины. Но по-прежнему через тундру текли чистые воды Каюма, где обитали большие серебристые рыбы. Когда Буслаев был маленьkim, он смотрел на них, преодолевающих течение, с высокого берега реки. Он вырос, а рыбы в его памяти так и остались большими.

И по-прежнему река впадала в Берингово море. Остались озёра среди тундр, в зеркала которых он, пятилетний ребёнок, засматривался и однажды едва не утонул. Может быть, береговая кромка стала другой. Но, как и в раннем детстве, небо над Макарьевском было неизменно безоблачным.

Буслаев перемещал курсор в окне монитора, и ему мнилось, что среди береговых отмелей он вот-вот увидит себя. Тогда у него пересыхало в горле, и неврастенически дрожали пальцы. И он думал о том, что ему просто повезло жить там в ту пору.

Пристегнутый ремнём, он летит рейсовым самолётом и торопит время.

Ан-26 заваливается на крыло. За стеклом внизу тёплая дымка земли. В иллюминаторе напротив – холодное фиолетовое небо.

В аэропорту маялся Александр, как он всегда встречал идущий из города «борт».

Тихо и солнечно.

Забросив лямки рюкзака на плечо, Буслаев идёт по «бетонке», издали видит седую голову брата.

Они сошлись, хлопнули друг друга по плечам, неловко приобнялись. Александр куда-то бегал, искал машину. И Буслаев узнавал и не узнавал родные места, отмечая про себя чужие лица. Люди на путину нанимаются издалека...

К вечеру они отправились купаться в заливе.

На рейде стоял большой чёрный сухогруз с огромными белыми буквами FESCO над водерлиней. Всякий раз, когда Буслаев собирается навестить Александра, он забежит в магазин, а потом свернёт к школе, где сутки через двое дежурит брат, и увидит этот сухогруз и белые буквы.

Несколько траулеров принимали с плашкоутов горбушу.

И здесь везде была рыба. Она играла, выпрыгивая из воды. Косяки шли вдоль берега и путались в сетях. И мёртвую рыбу у берега шевелил прибой.

Они раздеваются, лезут в море.

– Как в Крыму! – кричит Буслаев. Вода в заливе чистая, тёмно-зелёная до черноты. Морская вода пахнет солью и увядшей травой.

Александр плывёт на спине. Плывет тяжело, жалуется, что давно не купался. Он говорит и задыхается. Крепкий подбородок и костиственный нос задраны к небу, словно у покойника. Буслаеву виден его живот и колени, которые поднимаются из воды. Ему жалко брата.

– Вылезай, – машет он Александру. – Согреемся!

Он разливает водку в пластиковые стаканы, открывает банку с консервами, рассказывает о готовящемся переходе на юг. У брата свои нелады, свои печали и заботы.

– Ты бы покрестился, – вздыхает Буслаев.

Александр только отмахивается. Он адепт Клизовского и Блаватской. И братья начинают давний спор, который закончится, как всегда, виноватым молчанием. Сейчас они проговорят, допьют оставшееся, и всё останется по-прежнему. И Буслаев опять жалеет брата.

– Не спасут тебя язычники, Саня, – он опрокидывает содержимое стакана в рот, ломает хлеб, выбирает остатки сайры из банки. – Мне бы лодку до Каюма.

– Где ж найти? – задумывается Александр. Пьёт, морщится и почти не закусывает. – Все лодки сейчас «на рыбе».

Буслаев злится. Накроет циклон, и он застрянет в посёлке.

– Зачем тебе Макарьевск? – спрашивает Александр. – Иди катером до Ивашки. Нет больше Макарьевска. А если медведь, на дерево полезешь?

– Договоримся... Через три дня пойду, – Буслаев держит в голове, что нужно зайти к отцу на кладбище.

– Найдёшь ли лодку... – тянет своё Александр.

В голосе неуверенность, словно на свежий лёдступил.

– Завтра уйду! – ругался Буслаев.

Он не ушёл и через неделю.

Минуя пыльный посёлок выходил к морю, брёл вдоль прибоя к пирсу и дальше – к последнему бараку по Набережной улице. Из Макарьевска они с семьёй переехали в Карагу и долго жили здесь на окраине.

Крыша у барака просела, как проседает кладбищенская земля. С восточной стороны окна и двери были заколочены белёсыми, выгоревшими на солнце досками. Пахнет тёплой древесной гнилью, старой штукатуркой. И неуступчивая трава, подступив к стенам барака, вымахала по пояс.

Теперь здесь чужие.

Двое чернобородых темнолицых мужчин возились во дворе с сеткой. Потом один собрал сеть в мешок, а другой поднял маленькую резиновую лодку на голову, и они пошли к морю.

Буслаев потоптался у заколоченных дверей, словно хотел найти вещественное подтверждение того, что когда-то здесь была другая жизнь. «Прошлое рядом, – подумалось ему, – и никуда не ушло».

Держась в отдалении, Буслаев двинулся за рыбаками. Они были при деле, в засаленной грязной робе. И Буслаев тяготился чистым джинсовым костюмом, своей лёгкой праздностью отпускника.

На берегу, где кончалась трава и начинался песок, ржавели и доживали своё плоскодонные баржи.

Буслаев смотрел, как рыбаки, привязав конец верёвки к большому камню, погрузили сеть в лодку. И тот, что постарше, сел за весла и стал понемногу стравливать сеть. Она скрывалась в воде, и за лодкой потянулся пунктир цветных поплавков.

Когда сеть ушла в воду, мужчина бросил следом небольшой джутовый мешок с галькой. И на волне закачался пластиковый оранжевый шар.

В сетке уже билась горбуша. Перегнувшись через борт «резинки» и держась за верх, мужчина выпутывал и бросал рыбу на дно лодки.

Невдалеке Буслаев увидел лежащую корячку в спортивных штанах и поношенной голубой кофте. Она следила, как мужчина перебирает сеть. Русские здесь часто роднились с местными. Коряки ловили рыбу почти без лимита.

Буслаев взял в руки фотокамеру, чтобы сделать снимок лежащей. Но та заметила его и, натянув кофту на голову, молча отвернулась. Женщина была пьяна.

Он понял это не сразу и убрал фотоаппарат. И ещё немного посидел, а потом поднялся с песка и вернулся в посёлок.

Циклон пришёл с юго-востока.

Ветер набирал силу. По радио повторяли штормовое предупреждение.

Стоя у мутного окна, Буслаев слушал шелест дождя. Он думал о беременной жене и о ребёнке, которого она носит и ждёт, и о младшем брате. Непогода захватила побережье на сотни километров. И там, к югу, такой же шторм.

В доме зазвонил телефон.

– Чем занимаешься? – поинтересовался Александр. Он был на смене. – А то подходи!

Буслаев надел штормовку, поднял голенища сапог и вышел. Дождь бил ему в левую скулу. Через пять минут старая штормовка промокла.

Когда Буслаев свернулся к морю, сухогруз был почти неразличим в кипящей пелене. Шквальный ветер разогнал сейнера и прижал чаек к берегу.

Буслаев увидел брата. Тот сидел на корточках в проёме двери с подветренной стороны, куда не доставал дождь. Буслаев отвел глаза и склонил голову, словно уклонялся от бьющего в лицо ветра. И опять взглянул в сторону школы. Но брата уже не было.

Он нарочито долго раздевался в коридоре. И когда вошёл, Александр сидел в кресле перед телевизором. Картинка мельтешила, и по экрану шла рябь.

– Вымок? – спросил Александр.

– Ладно, – сказал Буслаев, – доставай.

Александр, хитро прищурившись, вытащил откуда-то из-за кресла бутылку коньяку и горсть карамелек из кармана.

– Хорошая тема, – он прищёлкнул пальцем по этикетке. – «Фельдмаршальский».

– Застрял я, Саня, – сказал Буслаев.

Брат не поддержал. Он ждал, когда Буслаев свернёт бутылочную пробку.

– К отцу нужно идти, – Буслаев разливает коньяк по чайным чашкам. Вот сейчас он выпьет и согреется!

– Сходим… – откликается Александр. И через паузу:

– Не в дождь же ограду красить! Ты конфетку возьми.

С остановившимся лицом он пьёт коньяк, смотрит на мелькающую картинку в телевизоре. Из-за непогоды сигнал слабый, и звука нет.

– Надо антенну поднимать. Никак не соберёмся…, – Александр прислушивается к своему нутру. Не торопясь, разворачивает обёртку карамели.

Захмелев, они гоняют на компьютере старые песни минувшего века. Александр когда-то играл на баяне. У него идеальный слух. Но Буслаев не стесняется, громко поёт: «А за окном всё так же стонут провода-а-а…» И Владимир Кузьмин из динамиков ему подпевает.

Когда коньяк закончился, Буслаев натянул непросохшую тяжелую штормовку, влез в сапоги.

– Поесть что-нибудь принесу...

– А давай! – бодро говорит брат. С пультом в руке он переключает каналы. Сквозь рябь Кобзон беззвучно открывает рот. Кобзон похож на рыбу в аквариуме. Буслаев смеётся и выходит.

Ему хорошо. Сейчас он добрый. В рюкзаке у него спрятана фляга с медицинским спиртом. Отличная фляга из «нержавейки». И хорошо, что он вспомнил. До последнего держал, берёг, как подарок младшему. А теперь что ж... теперь циклон...

Дождь бьёт ему в спину. Буслаев не замечает дождя и скоро возвращается.

Не разбавляя, они пьют спирт и запивают водой из чайного горлышка. Чёрный вязкий хлеб и сало, которые Буслаев прихватил с собой, лишь оттеняют обжигающую сухость.

И они опять слушают старую музыку и совсем уже пьяны. В полумраке непогоды сиреневым глазом мерцает монитор.

Александр клонит седую голову, дремлет в кресле.

Дождь утих.

Буслаев выходит на улицу, идёт к морю. Ему только кажется, что он идёт, это море шагает на встречу. И берег, и волны ложатся Буслаеву под ноги.

На берегу – дюралевая лодка-казанка.

Накатывает волна, разбивается. И казанка вздрагивает.

– А говоришь, нет лодок! – бормочет Буслаев.

Спиной к Буслаеву на борту сидит человек в ярко-оранжевой рыбакской робе.

– Мне на ту сторону нужно, – говорит Буслаев сидящему. Тот оборачивается, кивает головой.

– Раз надо – пойдём.

Буслаев удивляется:

– Сёмкин? Ты ж убился прошлой весной.

Володя Сёмкин – старый приятель Буслаева. Он жил на мильковской трассе, а работал в городе. Поздно ночью Сёмкин заснул за рулём, и его вынесло на опору рекламного щита. Тогда всё обошлось.

– Второй раз ты ведь сам в ту опору влетел. Надоело тебе...

– Виктор меня звать, – человек тяжело разжимает губы, словно они болят. – Если надо, говорю, сходим на Каюм.

Человек опять повернулся к морю.

– Разве это шторм?

Буслаев соглашается, нетвёрдо уходит. Ему нужно успеть сюда с рюкзаком. А другой лодки уже не будет. И пускай не Сёмкин это... Откуда бы здесь взяться Сёмкину? Сёмкин известно где...

В кармане штурмовки свистит и щебечет мобильник.

Буслаев лезет в карман, подносит телефон к уху. Он знает – это жена. Из города звонок. Он прикрывает телефон ладонью от ветра.

– Дорогой, – говорит жена, – Я в больнице. Потеряли мы ребёнка...

Голос у жены слабый, едва слышен.

– Ты бы возвращался...

– Всё будет хорошо! – Буслаев спиной заслоняется от шторма, пробует перекричать непогоду. – Я лодку нашёл! А ты жди меня. Возьму только рюкзак.

Его мотает по ветру. Буслаев сгибается под ношей, выходит на берег.

– Кабы не рюкзак, где б я был сейчас? – вслух рассуждает Буслаев.

Теперь он совсем не чувствует мокроты и холода. Минута школу, высматривает лодку у «прибойки».

Лодка уходила в море. Её вскидывало на гребень волны, а потом она пропадала из виду.

– Не дождался Сёмкин, ушёл...

Буслаеву видна сгорбленная фигура на корме за мотором. Среди водяных холмов, гуляющих по заливу, ветер едва доносит стук движка.

У Буслаева совсем нет сил. Он опускается на колени, обхватывает рюкзак рукой, приваливается к нему плечом.

Он плачет или дождь по лицу, Буслаев не разберёт.

– Завтра... – только и говорит он. А что значит это «завтра», разве он скажет?...

Ночью в городе

Рассказ таксиста

Всегда любил собак. Маленький был, думал, они улыбаются. Автомобиль – нет, не уважал. И шофером, как многие мальчишки, не хотел стать. Пятьдесят четыре мне, голова седая. Собаку не завёл, а за рулём три месяца. Машину купили по настоянию жены. Она «на права» давно сдала. Как деньги появились, взяли подержанную «Тойоту». У меня «корки» на вождение двадцать лет пыились. Получил ещё в советское время. В школе ДОСААФ водил «Зилок», 130-й. С тех пор за баранку не садился.

Жена от машины меня оттирала; как бы не разбил, опыта, дескать, мало. Я снисходил, что называется, а потом подвинул и сам стал водить. Женщины неохотно отдают управление. Здесь нужно твёрдость проявить, решительность. Жена буквально вцепилась в руль.

– Чего ты? – говорю ей. – Я же мужик!

Опыт по ночам набирал, когда движение слабое. Как-то выезжал на мигающий светофор, а по главной «японец» гонит. Иной раз не понимаю, в какой стране живу. Язык стал чужим, вывески, шмотки... Это ли не оккупация? Но я не о том, о людях я... они всё те же. Измельчали только...

Ну, видел я иномарку, да скорость трудно определить, когда фары по глазам бьют. Мне показалось – успею. Налево стал сворачивать, смотрю – летит аккуратно мне в бок. Они по тормозам ударили. Зад машины задрало, пыль столбом, едва не перевернулись... Я на газ! По главной пошёл... В зеркало смотрю: развернулись, за мной идут. Я ещё прибавил, и они прибавили. Потом узнал, сколько их в машине... Как в кино было. В каком-нибудь боевике... Погоня и всё такое... Почему не остановился? – Наверное, страх был. И азарт животный в скорости потягаться. Ночью зверь гуляет... Игра началась...

Прижали они меня к обочине. Двое из машины выбегают – лет по двадцать пять обоим. Один плотный такой, «качок», а второй повыше на голову, худой. Злые, как черти. Я ждать не стал, вырулил на дорогу. Они только в борт моей «Тойоты» кулаками вдарили. Гнали, как собаки волка, а какой я волк?

Вот тогда сильно я разогнался! Пошёл в кварталы... А конец ноября, лёд на дорогах, особенно на периферийных, куда я стал уходить. Меня и вынесло на целину. Там снегу по колено... Машина ещё шла, а потом встала. Двигатель я заглушил, посидел немного. Ясно было, что наклёвывается горячая драка. Навстречу им пошёл...

Они сразу поняли, что мне не выбраться, радостно так вскрикивали и не больно торопились. Помоему, даже чуть подывали, расправу предвкушая, как борзы...

Первым набежал коренастый и с размаху вкатил мне кулачино пониже левого глаза. Он думал, упаду я. В снег они хотели втоптать меня, в лёд вбить, чтобы я не пугался у них на дороге, быстрой езде не мешал...

И я как будто проснулся. Это после удара коренастого. Он где-то нахватался восточных приёмов, всё подпрыгивал, бил ногами. Только на гололёде крепко надо стоять. А мне падать никак нельзя было. Худой, высокий, поскромнее работал, да только злей «качка» оказался.

Я ловил четыре кулака, как мог. И удачно ловил. Но вот не было к ним злости. И драйва, как теперь говорят, не было. Бог сынка не дал, а эти в сыновья мне годились. Может, пороли их мало в детстве, сказок не читали на ночь. Головы разбивать я не хотел... Не чувствовал своей правоты ...

Стали они остывать. Худой ещё кинулся ко мне. Я его пятерней в лицо остановил. Верно, тогда и перемазался чужой кровью...

Из той породы они были, когда норовят горлом взять, нахрапом, а если не вышло сразу, уходят.

– Знаешь, сколько стоит наша машина!? – это «качок» орал.

Я не знал. Хотел одного: скорее бы свалили. Я тоже орать могу... Вижу: лицо худого в крови. Всё, думаю, хватит, поиграли...

На моё «ша!» они ещё огрызнулись, но уходили к своей дорогой машине. Левую щёку у меня разнесло. Я снег прикладывал к лицу. Нуло плечо и колено...

Хромал к своей «Тойоте», когда подрулили ко мне три совсем разбитые иномарки. Встали в рядок поодаль, свет в лицо палят. Я не знал, что у них там в головах. Я был, как пустая бутылка... Драться

сил уже не осталось. Вытащил из багажника газовый ключ, второй номер. Стоял, смотрел на них, а они на меня. Потом одна за одной они ушли.

Откуда-то появился мужик, рыжий и поддатый в одинаковой степени. Представился полковником пожарной службы. Скучно ему было. Где-то у него гараж и трос буксировочный. Полковник настаивал. Хотел кайф свой продлить.

— Как тебя занесло! — говорил полковник. Всё в глаза заглядывал. Он думал, что в «Тойоте» у меня спиртное. Тогда я решил крепкую машину поискать.

— Побудь, — говорю рыжему, — посторожи. К домам я побежал.

Джип с водителем нашёл на удивление быстро. Ночью город своей жизнью живёт. Надо лишь присмотреться. Я рассказал, что застрял, и хорошо бы дёрнуть машину из снега. Подробности были ни к чему. Я его тогда другом назвал... И парень внимательно глянул на меня. В теневых структурах он крутился, может быть, бандитских. У таких людей печать на лице.

— Ладно, — сказал он, — попозже...

Обратно бегу, а полковник в бардачке моей «Тойоты» роется.

— «Аварийку» тебе включил, — он мне.

— Это разумно, — и на руки его смотрю.

— Залез в бардачок..., — сказал полковник, так, словно сомневался, что залез, и в толк не возмёт — зачем?

— Вижу, — говорю ему.

— Стирал отпечатки пальцев...

Мы вышли на снег. В салоне тесно становилось. Полковник стыдился и каялся. Всё-таки он был сильно пьян... И когда к нам подъехала машина ГАИ, я двинулся от полковника, но тот следом топал, что-то в спину бубнил.

Я бодро попросил помочи. «Гаишники», молодые парни, с испугом смотрели. Уехали быстро... И чего они боялись? Маленько полегчало мне. Решил, что хуже не будет.

Парень тот, с «джипом», не обманул, вернулся. Я неумело сутился с концом троса. Теперь я заглядывал в глаза, только что хвостом не вилял...

— Резина у тебя дрянь! — сказал парень.

«Тойота» стояла четырьмя колёсами на дороге. Я о деньгах ему... Он рукой махнул пренебрежительно. Мы и рас прощались.

Утром левую половину лица прячу, да жена рукав увидела в крови.

— На дороге, — говорю, — подрался... Не моя кровь. — Зачем женщине детали? Ей главное — мужик живой.

Водить я научился, только к собакам остыл после этого. И когда ночью по зеркалам и в хвост свет чужой машины, — особенно близко, — не люблю.

На берегах Уксичана

Колесо лопнуло, когда автобус подъезжал к посёлку. Мне показалось это дурным знаком. Я не был в Эссо два месяца. И я скучал по Ольге.

Долгая разлука, неожиданная в начале июня жара, дорожная пыль, — всё изрядно угнетало. Ко всему — лопнувшее колесо.

Народ двинулся из салона размяться, покурить. Я вышел вслед за всеми, и первое, что увидел на обочине — ярко-зелёный щит с жёлтой эмблемой «Ротари». Клуб боролся за чистоту. Посёлок и территория, прилегающая к Эссо, значились как округ под номером 5010. Где-то у них там всё было схвачено и поделено на округа и участки, занесено в реестры и гроссбухи.

Железное ротарианско колесо куда-то катилось. И я не стал ждать, пока водитель поставит запаску, вытащил из автобуса свой рюкзак и пошёл пешком. Я хорошо знал дорогу.

Палатку я поставил среди берёз, там, где Уксичан делает прихотливый изгиб, и без рюкзака, налегке, отправился к Ольге. Она жила в родительском доме. Это совсем недалеко, нужно только перейти на другую сторону реки. Я шёл по навесному мосту, и талые воды пели мне о скорой встрече...

Мы с Ольгой помолвлены. Её родители благосклонно терпят нашу связь. Однако главный вопрос висит, что называется, в воздухе. Я всё тяну и говорю себе, что следующей весной... и пусть оно завяжется на небе, – так я рассуждал.

Встретили меня радушно. После долгого застолья мы с Ольгой ушли в палатку. Моя палатка одноместная, однако от тесноты мы совсем не страдали. Уговорить остаться Ольгу на ночь я так и не смог.

– Что они подумают? – риторически вопрошала Ольга, имея в виду своих родителей.

– Действительно, что? – я разыгрывал недоумение.

В долгих сумерках мы прошли с Ольгой до калитки, и я вернулся. Ужинать не стал, лишь подбросил в огонь дров: ранним летом голодный медведь подходит к жилю совсем близко. Я забрался в палатку и на свежем воздухе быстро уснул.

Утром я раздул тлеющие угли, позавтракал и отправился к бассейну.

Надо бы сказать, что бассейн в Эссе открытый. До вечера здесь почти никого нет. И в этом своя радость. Один раз в неделю меняют термальную воду, убирают мусор. Знакомый щит с жёлтым колесом напоминал о необходимости здорового образа жизни.

Судя по всему, бассейн переживал не лучшие времена. Он зарос какой-то зеленью, был грязен и непригляден. Пришёл эвен с гаечным ключом в руке, остановился у слива и замер. Лицо его ничего не выражало. Двое мальчишек заворожённо смотрели, как пенится уходящая вода.

Я вежливо спросил, кто будет чистить бассейн.

– Вот они, – эвен нехотя кивнул на пацанов и отвернулся.

Нет, он не был членом «Ротари», как не были и мальчишки. Но кем был я для этого эвена, пршелец с иным цветом кожи, проходящий человек?

Всё-таки я полез в бассейн. Термалка пахнет тухлым яйцом. Это сероводород. Но его немного, и к запаху привыкаешь.

Здесь никто не спешит. И я не тороплюсь. Раскинув руки, лежу в термальной воде, глазею в небо. С высокогорий наносит клочья облаков. Если повернуть голову, можно увидеть ближние сопки в щетине сгоревших сосен, – когда-то здесь часто горел лес, – а дальше – конус вулкана Уленгенде. В это время года он весь в снегу.

Обсыхаю на солнце и через двадцать минут иду к палатке.

Масштаб потерь я оценил сразу. Открытый рюкзак лежал посреди поляны. Пакеты с вермишелью, конфетами и печеньем были разорваны. Я лишился и заварки. Ко всему, здесь похозяйничали лесные птицы. Среди прошлогодних листьев и первой летней травы я ничего не смог собрать. Две банки консервов, смятые, со следами зубов, я нашёл далеко на краю поляны.

У меня были шаткие версии. Человек с собакой? Удивила закрытая на все молнии палатка, где я оставил рюкзак. И ничего не пропало из вещей.

– Аккуратный разбой! – громко сказал я вслух, чтобы умерить свою нервозность. Судя по всему, я очень сильно прогревал хозяина этой местности. Когда-то здесь проходили **камлания** эвенских шаманов. Поставив палатку, я совершил... грех, с точки зрения духов-людей.

Кое-как прибравшись, я отправился к Ольге. Она работала администратором в летнем лагере. Нужно было обсудить случившееся.

Ольга выше меня на три сантиметра. Высокий каблук делает её недоступной. Она наклоняется, скрадывая свой рост. В эту минуту Ольга напоминает мне Пизанскую башню. Чтобы не задирать голову, я слегка отстраняюсь. Так удобнее. На моём лице смесь шутовства и беспокойства. Наверное, вид у меня неважный.

– Всё решим завтра, – строго говорит Ольга, – сегодня много работы.

– Куда смотрит президент клуба Морчанский?! – восклицаю я патетически.

Ольгу расстраивает моя нервная жестикуляция.

– Прошу тебя, успокойся!

Ольга не любит меня таким. И я возвращаюсь на свои берега.

Миновать бассейн я никак не могу. Нет ни эвена с ключом, ни мальчишек. Бассейн пуст и без воды кажется ещё непригляднее. Словно наизнанку вывернули грязное бельё. Однако входной вентиль открыт. И термальная вода медленно скрывает цементное дно и водоросли, смятые пластико-

вые стаканы, и пачки из-под сигарет. С чувством лёгкой скорби я думаю, что может быть, вот так же начинался Всемирный потоп...

На мосту смотрю, как паводок гонит глину и песок в набухшей реке. Вода от глины мутная, рыбая.

Из оставшихся продуктов я устроил себе обед. Вечером поужинал консервированной сайрой и лёг пораньше, чтобы скорее приблизить это «завтра», которое обещало так много. Я никак не мог уснуть и всё прислушивался к шорохам ночного леса и говору быстрой воды...

Мне снился топот лошадей. Духи-люди на скаку задевают палатку, она нервно дрожит и вибрирует. Я пытаюсь справиться с дрёмой, сделать решительный жест.

— Спи, спи, спи! — поют голоса. Наконец, я просыпаюсь, раздергиваю входной полог, что-то кричу. Я вижу чёрные футболки удаляющихся всадников. На спинах — трафаретом — жёлтые колёса... Я сплю.

Когда палаточный верх из серо-голубого стал оранжевым, я проснулся. Мой сон ещё гулял где-то рядом. Мне казалось, я слышу лошадиное ржание и гортанные голоса. Ночью было холодно. А день обещал жару.

Я выбрался из «спальника», оделся и открыл вход. Утренний воздух принёс в моё жилище запахи остывшей земли и речной сырости.

На ночь я всегда прячу обувь под днище палатки. Пошарив, вытащил кроссовки и, держа их в руках, оторопело смотрел на цветные шарики драже. В каждом из кроссовок каталась добрая горсть. Я выругался, подумал и тихо выругался ещё раз. Слишком велики и абсурдны были усилия моих «шутников»! Ползать в потёмках среди травы, собирать рассыпанное днём? И как они догадались, где спрятаны кроссовки? Они следили за мной?

Я тщательно выбрился, насколько позволяла ледяная вода и ржавое лезвие «Жиллет», свернул палатку, собрал рюкзак. Трава была седая от росы, а мой завтрак скучен. Но костёр согрел и приободрил. Я ещё посидел, с грустью понимая, что сюда больше не вернусь. Хэвки — злой дух эвенов. Совсем мелочный и злой! И я перешёл на другой берег.

Ольга с утра работала в огороде. День был выходной.

— Здесь! — указала Ольга. У неё удивительно красивые пальцы.

Среди свеклы и редиса мы развернули палатку. Ольга принесла одеяла. Я натянул над палаткой кусок плёнки. Палаточные швы могут не выдержать. Ливни здесь не редкость.

Мы пьём чай, смотрим сквозь запотевшее оконное стекло на нашу палатку и ждём дождя.

— Олењка... — говорю с заминкой, — скажи, а ты не ротарианка?

Вопрос нелепый. И чтобы обозначить наличие шутки, я подчёркнуто серьёзен.

— Дай-ка мне твой лоб, — просит Ольга.

Я наклоняюсь к ней и смижаю веки. Я чувствую прикосновение губ.

— Температуры нет! — смеётся Ольга. И я умиротворён.

Дождь собирается только к вечеру. Гром перекатывается по горным склонам, словно кто-то сталкивает большие бильярдные шары. Быстро темнеет. У нас есть повод спрятаться в палатке.

Мы прятались от дождя до утра...

Осенью Ольга стала моей женой.

